

Николай БОГОМОЛОВ

Об одном из источников диалога Хлебникова «Учитель и Ученик»

Впервые этот диалог был опубликован отдельной брошюрой в 1912 году, чуть позже перепечатан в сборнике «Союз молодежи» и неоднократно воспроизводился в дальнейшем¹. Значение его как для хлебниковского творчества, так и для всей исторической судьбы русского футуризма, несомненно, чрезвычайно значительно. Напомним, что именно здесь было впервые внятно для широкой публики сформулировано понятие внутреннего склонения слов, а также приведены некоторые хронологические рассуждения «Ученика» (безоговорочно отождествлявшегося с Хлебниковым), причем завершались эти рассуждения фразой, которая задним числом была определена как истинно пророческая: «Но в 534 году было покорено царство Вандалов; не следует ли ждать в 1917 году падения государства?»

Именно от этого «разговора» ведет начало вся линия «досок судьбы», в последнее время совершенно справедливо осознаваемая как одна из существеннейших для понимания сути и смысла хлебниковского творчества вообще².

Однако в известной нам литературе об источниках исторических размышлений Хлебникова говорится лишь в самом общем плане, тогда как существует, судя по всему, возможность перевести суждения о них на более очевидный уровень. Особый интерес в этом отношении представляет для нас один текст, принадлежащий видному представителю оккультного мира Петербурга конца девятисотых и всех десятых годов, с которым Хлебников почти наверняка был знаком по кругу Вяч. Иванова, — поэту Б. А. Леману, писавшему под псевдонимом Борис Дике, автору книг стихов «Ночные песни» (СПб., 1907) и «Стихотворения» (СПб., 1909)³. Появился он в начале 1911 г., то есть совсем незадолго до «Учителя и Ученика», и назывался «Из книги, написанной золотыми и красными буквами». В предисловии, подписанном «Б. Леман», излагалась история, стилизующая многочисленные «свидетельства»

о древних рукописях, попадавших тем или иным путем в руки оккультистских авторитетов: «Рукопись эта представляет собою семь небольших, весьма пострадавших от времени, лоскутков пергамента, исписанных лишь с одной стороны арамейским письмом, эпохи последних Логидов, с более поздними комментариями на греческом языке, сделанными на ее полях и частью на чистой обратной стороне листков. <...> По своему содержанию означенная рукопись является, по всей вероятности, не оригинальным произведением, а лишь позднейшим списком одной из эзотерических книг древних храмов Египта. Также нельзя не отметить ее близости к учению пифагорейских школ и их апологету Аполлонию Тианскому»⁴.

Опубликованный далее «Отрывок первый о «числе семь» «представляет для нас интерес прежде всего как своеобразная «предыстория» хлебниковского диалога, ибо этот отрывок представляет собой разговор Учителя и Ученика, в котором ведущую роль играет Учитель, раскрывающий тайный смысл числа «семь»:

Вознеси же Три Имени Вечного над четырьмя именами стихий и ничего более не желай из того, что на четырех первых ступенях великого пути восхождений. Ибо ты отныне уже прошел их⁵.

Но гораздо более существен для Хлебникова был второй и последний из опубликованных в «Изиде» (нам неизвестно, существовало ли продолжение этого текста) отрывок, названный «О государстве».

Во-первых, он отходит от той схемы безоговорочного превосходства Учителя над Учеником, которая была в первом диалоге. На этот раз они выступают на более или менее равных основаниях. Конечно, и здесь главенствует точка зрения Учителя, но и Ученику позволено донести свою (восходящую к мнению «чужестранца») точку зрения на государство.

Во-вторых, сама тема обсуждения Учителя и Ученика — государство — находится в центре хлебниковского диалога. Правда, аспект рассмотрения выбран совсем иной, но сходство тем не менее очевидно.

Наконец, в-третьих, тема обсуждения, не находящая прямых откликов у Хлебникова, безусловно, входила в круг вопросов, интересовавших не только Хлебникова, но и любого иного мыслителя, хоть сколько-нибудь интересующегося проблемами современного государства. У Лемана речь идет о точке зрения некоего «чужестранца», которая сильно воздействовала на Ученика: «Он весьма красноречиво восхвалял мне равенство, где все подобны друг другу, и говорил <...> что только в повиновении своему гению закон каждого человека. Он порицал наши законы и со смехом сказал: — если, как ты утверждаешь, боги избирают царей, то почему же сын наследует власти отца...»⁶.

Учитель отвечает ему на это:

Вот закон подчинения и закон власти.

Запомни же числа его в их верном порядке⁷, ибо они ведут к выходу.

Те, что назвали себя по цвету своему, ибо тела их были подобны красной земле. Это последние, что видели Бога в силе и в сиянии славы. Но на них была также мощь гнева Его, изливающаяся, как многие воды. И они поражены и уничтожены в своей гордости.

Это те, что передали закон власти одного, но, когда они передали его, он уже не был чист и стал началом разложения, ибо в нем было не избрание Бога, но избрание крови, которая подчинена смерти».

Как кажется, больших доказательств близости двух текстов, чем их общее интонационное построение, и не требуется. Достаточно вспомнить у Хлебникова: «Я искал правила, которому подчинялись народные судьбы. И вот я утверждаю, что года между началами государств кратны 413» — и далее. Очень сходны по интонации и функции реплики второстепенного персонажа, хотя у Хлебникова это всегда слова Учителя, заинтересованного в открытиях своего Ученика, а у Лемана Учитель и Ученик меняются функциями: то Ученик рассказывает Учителю о своих проблемах, а Учитель поощряет его вопросами: «Что же еще говорил тебе чужестранец?» (ср. у Хлебникова: «Что же ты сделал? Расскажи» и т. д.), то краткие вопросы, свидетельствующие о предельной заинтересованности, задает Ученик: «Открой же нам знаки вождя тех, что начали восхождение» (ср. хлебниковское: «К каким еще случаям ты применил свой закон?»).

Существенно и то, что диалог Хлебникова кончается совершенно неожиданно, без внешней логики (хотя внутренняя, конечно, тут есть) — обменом двумя краткими репликами:

Учитель. Но что за книга у тебя на коленях?

Ученик. Крижанич. Я люблю говорить с мертвыми.

Этому внезапному обрыву, а также свободному переходу от одной темы к другой внутри самого диалога у Лемана соответствует общая фрагментарная форма повествования, которое начинается с середины фразы и так же обрывается. Отметим и помету в начале «Учителя и Ученика» — «Разговор I», тогда как части повествования Лемана имели подзаголовки «Отрывок первый о числе семь» и «Отрывок второй», то есть и там, и там предполагалось продолжение, которого так и не последовало.

Такая близость диалогов двух поэтов провоцирует на попытки поиска за этими двумя текстами и того, что могло бы являться их общим источником. Если Леман этого не скрывает (как в самом тексте предисловия, так и публикацией в специальном оккультическом журнале), то Хлебников здесь более загадочен.

Однако, как кажется, при попытках определения того, что послужило источником всех исторических концепций Хлебникова, следует обратить внимание на достаточно очевидное: при операциях с датами, числами, представлениями о языке и пр. Хлебников весьма часто отталкивается от того, что было общим местом в оккультной литературе, чрезвычайно популярной в России в десятые годы и доступной поэту во множестве изводов.

Собственно говоря, и сам он в конце «исторической» части «Учителя и Ученика» устами Ученика достаточно откровенно говорит о том, что послужило первопричиной всех вычислений: «Учитель. Целое искусство. Но как ты достиг его? Ученик. Ясные звезды юга разбудили во мне халдеянина». Отсылка к очнувшейся традиции халдейской астрологии уже сама по себе достаточна, чтобы попробовать осмыслить те законы «древней мудрости», которые так или иначе могли отразиться в творчестве Хлебникова, и интуитивно, в подтексте, это, несомненно, ощущается современными исследователями. Так, вряд ли может быть случайным, что одна из статей Р. В. Дуганова именуется «Хлебников и Ахматова (из астрологических заметок)»⁸. Кстати говоря, определение «звездный язык» было вполне обычным при разговоре об астрологии, потому не исключено, что и хлебниковский «звездный язык» имеет отношение к ней.

Тема цикличности исторического развития мира вообще является одной из центральных во всей оккультной литературе, и прежде всего, конечно, в «Тайной Доктрине» Е. П. Блаватской, произведении во многом центральном для всего европейского оккультизма и достаточно хорошо известном по русским частичным переводам самому широкому кругу читателей. Примеры пересечений числовых выкладок Блаватской и Хлебникова могут быть настолько многочисленны, что заниматься их обнаружением и гипотетической интерпретацией мы оставляем иным авторам, лишь обозначая здесь данную тему. Ограничимся лишь достаточно убедительными, на наш взгляд, параллелями. Так, известно, какую роль в символике Хлебникова играло число 317. Вместе с тем у Блаватской читаем: «Действительно, возьмем ли мы отдельно 4 или же 3, как таковые, или же и то и другое вместе, составляющие 7, или же все три вместе, 4, 3, 2, дающие 9, но все эти числа имеют свое приложение в самых сокровенных оккультных вопросах и рекордируют работу Природы в ее вечно периодических проявлениях»⁹.

Но далеко не только отдельные числа и их соединения путем простейших арифметических действий существенны для Блаватской, но и опирающиеся на Каббалу или пифагорейство (не беремся, однако, определять степень соответствия истинным доктринам) более сложные вычисления, часто со ссылками на другие авторитеты¹⁰.

Стороннему наблюдателю такие числовые выкладки кажутся чисто произвольными, однако для человека, склонного видеть какую-то их оправданность, должно быть существенным стремление исправить недочеты в вычислениях путем как исправления самих формул, так и применения иных значений вместо ранее принятых.

Конечно, Хлебников вполне мог самостоятельно получить представления о той или иной системе числовой магии и следовать ей, однако кажется более резонным предположить, что в первую очередь разного рода оккультные тексты могли натолкнуть его на собственные вычисления, поскольку именно для оккультизма было чрезвычайно важно убеждение, что история развивается циклично и нуждается в осознании этой своей природы.

Отметим также, что искания футуристов в области языка (не только Хлебникова, но и других авторов) также вполне могут быть возведены ко многим рассуждениям Блаватской. В частности, заслуживает, на наш взгляд, особого внимания аналогия между «венерианским» языком у позднего Гумилева и футуристическими опытами, отмеченная и проанализированная Р. Д. Тименчиком¹¹. Как показывает параллельное чтение Гумилева и Блаватской, на самом деле его «язык из одних только гласных» в точности соответствует тому, что было описано основательницей Теософического общества в «Тайной Доктрине»¹². Таким образом, между футуризмом и оккультизмом протягивается еще одна ниточка, нуждающаяся в дальнейшем изучении.

Не лишено вероятия, что чтение «Изиды» проецируется и на многие разыскания Хлебникова в области создания особой поэтики, где числа и буквы образуют принципиальное единство, служащее способом проникновения в тайны мира. Не исключено, конечно, что сведения эти (или сходные) были почерпнуты Хлебниковым из другого источника, однако фрагменты, которые мы хотели бы привести, на наш взгляд, весьма показательны в той сфере, где Хлебников почитал себя крупнейшим специалистом и отчасти даже пророком.

Итак, в журнале «Изида» за 1912 год читаем:

Бог, Который есть единство и сама простота, для достижения Своих целей употребляет средства самые простые. Продукт Его творчества есть вселенная, весь космос, заключающий в своем единстве три мира: Тео-космос, или мир божественный; Урано-космос, или мир небесных сил, и Астро-космос, или мир матерьяльный, — все это зиждется на одном законе, тройственном, потому что он истинен, — на законе <...>¹³.

Если мировое творчество есть действительно приложение и выражение закона <хет>, если оно в то же время есть реализация божественного слова, выраженного и, так сказать, сделавшегося осязательным, то это божественное слово необходимо должно раскрыть тот тройственный закон, о котором мы только что упомянули.

И вот, 22 есть первое и простейшее из чисел, в котором этот закон обнаруживается. Разделим 22 на 7, которое есть число небесных сил, действующих в ощущаемой вселенной, и мы получим: 3,1428. Возьмем десятичную дробь этого числа — 0,1428 и умножим на 22; получим: $0,1428 \times 22 = 3,1416$, которое означает отношение окружности к радиусу.

Скажут, что это случайность; но тогда, пожалуй, надо приписать случайности и то, что одно из имен, которыми древние школы обозначали Созидающее Слово, было именно ShoDal. На этом слове истоцилось терпение раввинистов, которые, отчаявшись найти его значение, перевели его просто Господь; между тем при сложении значения его буквально получается 314. <...>

Случайно и то, что ISHO, божественное слово, рассматриваемое в Астрокосмосе, дает таким же путем 316. <...>

Мы, с своей стороны, рассматриваем 22 буквы еврейского алфавита и соответствующие им числа как буквы божественного Слова; и, так как это слово есть живая творческая сила, вечная и абсолютная, то буквы представляют силы, живые универсальные сущности, производящие своими комбинациями миры как выражения божественной мысли, подобно тому, как наши буквы производят слова, выражения наших мыслей¹⁴.

Как нам представляется, установление источника одного из наиболее принципиальных произведений Хлебникова позволяет проложить путь к новому осмыслению его исканий в области миропостижения, очень во многом определивших вену ту картину мира, которая столь ярко рисуется в его произведениях не только связь между буквами и числами, но и попытки представить еврейский алфавит как средоточие истинного смысла вселенной, а также числа, появляющиеся в этом контексте и близко подходящие к хлебниковскому 317, должны, как кажется, привлечь внимание исследователей творчества поэта. Имеет смысл также упомянуть и постоянный интерес оккультистов к проблемам всемирного языка, пусть даже это будет вполне реальный язык эсперанто¹⁵.

